

Социальная структура, социальные институты и процессы *Social Structure, Social Institutions and Processes*

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-73-87

УДК 316.347(470.62)

Установки исламского религиозного поведения в массовом сознании городского населения Дагестана

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Science Researcher ID: ABA-2690-2020

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

г. Махачкала, Россия

madina2405@mail.ru

Аннотация. Проблема религиозного возрождения, определение типов религиозности, интенсивность культового поведения, соответствие типа религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, убежденно неверующий) ритуальному поведению, формирование в массовом сознании принципов веротерпимости и межрелигиозной толерантности являются актуальными для современного поликонфессионального и полиэтнического российского социума. В рамках данного исследования ключевым является установление соответствия и несоответствия типа религиозности человека (отношение к религии) его нормативной религиозной практике. Заметно научный интерес к изучению именно данного аспекта религиозной проблематики вырос на волне активизации деятельности духовных институтов, появления религиозных учебных заведений. Авторское исследование религиозности и религиозного поведения городского населения Дагестана показывает, что в общественном сознании опрошенных превалирует самоидентификация с типами религиозности - убежденно верующий и верующий. Доля респондентов, которая по мировоззренческим убеждениям относится к другим типам религиозности (колеблющиеся, неверующие, убежденно неверующие) в сравнении заметно меньше, но при этом выявлены существенные отличия по социально-демографическим параметрам. Кроме того, по данным исследования установлено, что декларирование определенного типа религиозности не соответствует интенсивности религиозной практики опрошенного городского населения Дагестана: самоидентификация с определенным типом религиозности подразумевает специфическое культовое поведение, но верификация эмпирического материала констатирует иное нормативное поведение респондентов.

Ключевые слова: религия, ислам, городское пространство, городское население, культовое поведение, религиозное сознание

Для цитирования: Шахбанова М.М. Установки исламского религиозного поведения в массовом сознании городского населения Дагестана // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 5. С. 73-87.

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-73-87:

Original article

Institutions of islamic religious behavior in the mass consciousness of the urban population of Dagestan

Madina M. Shakhbanova,

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science,

<https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Science Researcher ID: ABA-2690-2020

Makhachkala, Russia

madina2405@mail.ru

Abstract. The problem of religious revival, the definition of the types of religiosity, the intensity of cult behavior, the correspondence of the type of religiosity (convinced believer, believer, hesitant, convincingly nonbeliever) to ritual behavior, the formation of the principles of religious tolerance and interreligious tolerance in the mass consciousness are relevant for the modern poly-confessional and multi-ethnic Russian society. Within the framework of this study, the key is to establish the correspondence and inconsistency of the type of religiosity of a person (attitude to religion) with his normative religious practice. A noticeable scientific interest in the study of this particular aspect of religious problems has grown in the wake of the revitalization of the activity of spiritual institutions, the emergence of religious educational institutions. The author's study of the religiosity and religious behavior of the urban population of Dagestan shows that self-identification with the types of religiosity prevails in the public consciousness of the respondents - a convinced believer and a believer. The share of respondents who, according to their ideological convictions, belong to other types of religiosity (vacillating, unbelievers, convincingly unbelievers), in comparison, is noticeably smaller, but significant differences in socio-demographic parameters were revealed. In addition, according to the research, it was found that the declaration of a certain type of religiosity does not correspond to the intensity of religious practice of the surveyed urban population of Dagestan: self-identification with a certain type of religiosity implies specific cult behavior, but verification of empirical material indicates a different normative behavior of the respondents.

Keywords: religion, Islam, urban space, urban population, cult behavior, religious consciousness

For citation: Shakhbanova M.M. Institutions of islamic religious behavior in the mass consciousness of the urban population of Dagestan.// *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.5. PP. 73-87. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-73-87

Введение

Проблема религиозности и выраженность ее типов в массовом сознании населения, соответственно, изучение культового поведения, характерного каждому конкретно взятому типу религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий и убежденно неверующий) заметно актуализировалась в постсоветский период. Так, «массовая религиозность россиян активно заявила о себе в 1990-х годах, в период острых социально-экономических и политических трансформаций, размывания устоявшихся представлений о жизни, кризиса государственной идентичности. Этот период можно определить как время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности "советского человека", равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы» [1, с. 46].

Однако ради справедливости следует отметить, что в науке внимание к этому аспекту религиозной сферы всегда присутствовало, соответственно, религиозность и ритуальное поведение были предметом научного интереса специалистов, причем для этого имелись веские основания. В.П. Баранников и Л.Ф. Матрона, обозначив религиозность как социально-психологическую характеристику личности, способ социальной самоидентификации и социальной адаптации, выделяют два основных ее типа: «традиционная религиозность неразрывно связана с этнопсихологической самоидентификацией личности и этноисторической самоидентификацией народа, несмотря на изначально надэтнический характер религий (буддизма, христианства, ислама). Традиционная религиозность, как единственно доступная всем форма самосознания и мировоззрения, интегрирует не только собственно религиозные, но и нравственные, эстетические, природоведческие представления в их неразрывной связи с годовыми трудовыми циклами. Она непосредственно связана с традициями и обычаями народов и укоренена в исторически сложившемся народном быте. Традиционную религиозность отличает искренность и в то же время весьма поверхностное проникновение в сущность веры, которая интуитивно воспринимается как истинная... Формальная религиозность есть проявление глубокого равнодушия к вопросам религии и веры при демонстративном соблюдении обрядовой стороны религиозного бытия. Формальная религиозность - это форма внешней религиозности, не облагороженной ни религиозным чувством, ни стремлением к реализации религиозных переживаний» [2, с. 103].

Таким образом, можно утверждать, что постсоветский период развития российского общества характеризуется активизацией исследований религиозной сферы, различных ее аспектов: процессы религиозного возрождения и их прогнозирование, место религии в современном российском обществе, анализ выполняемых ею социальных функций, ибо «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает» [3, с.

95]. Более того, взаимоотношения вероучения и культуры являются очень сложными, ибо «они составляют одну из наиболее значимых составляющих турбулентности в современном обществе» [4, с. 108]. Исследование вероисповедания предполагает, что «на протяжении практически всего XX столетия господствующие механизмы управления ... воспроизводили либерально-светское мировоззрение ... Однако социальные реалии конца XX - начала XXI вв. "вытащили" религию из периферийной зоны социума на авансцену, придав ей новое качество, актуализировав не востребуемые долгое время ее социальные роли...» [5, с. 110].

Иными словами, усиление религиозного компонента в современном обществе сопровождается необходимостью исследования религиозности населения - кого можно считать верующим человеком? каковы индикаторы измерения степени и уровня религиозности человека? Кроме того, в данном аспекте актуально изучение соответствия типа религиозности и культового поведения. Не вызывает сомнения, что роль вероучения настолько выросла, что религиозная тематика освещается на разного рода уровнях как представителями властных структур, так и средствами массовой информации, то есть «инвариантной характеристикой российского общества ... является религиозный и культурный плюрализм, использование различными социальными общностями и политическими силами этнических и религиозных идентичностей как в качестве интегрирующих социальных механизмов, так и в качестве маркеров различия, чему способствует государственная политика поддержки культурного многообразия» [6, с. 114].

Ряд российских исследователей отмечает, что социология религии в отечественной науке не является «теорией среднего уровня, обладающей научным весом, опирающейся на богатую традицию и научные школы, которые были бы способны достаточно полно исследовать религиозную жизнь общества» [7, с. 135]. Однако с таким суждением в полной мере нельзя согласиться, потому что в отечественной (советской) науке проблема религиозного сознания и религиозного поведения, определение места религии в обществе были предметом исследования (может быть не всегда объективного с учетом господствовавшей идеологии) в русле научных разработок этнографов, философов, социологов и т.д.

В постсоветское время атеизм и атеистическое мировоззрение советского периода подмяли мощные процессы религиозного возрождения, тем самым актуализировав проблему религиозности и религиозного поведения. Для повышения интереса к религиозной проблематике имелись существенные причины, среди которых ключевую роль выполняло религиозное духовенство, стремившееся поставить под полный контроль социальную жизнь индивида. Если обратиться к идеям К. Юнга, то он видел основу религиозности как стремление и поклонение чему-то высшему, в самой природе человека [8]; по мнению Э. Фромма, человек «нуждается в объекте почитания и преданности, подчинения и любви» и религиозность выступает как его (человека. - *Авт.*) потребность определить смысл жизни, стремление разрешить «вечные» истины в процессе своей жизненной самореализации [9, с. 304]. По мысли П. Тиллиха, человек изначально религиозен, соответственно, как аспект человеческого духа религиозность присутствует во всех проявлениях культуры, указывая на «предельное, бесконечное и безусловное в человеческой духовной жизни» [10, с. 11].

Анализ основных понятий показывает, что религиозность есть «воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных и демографических групп», в содержательном плане его можно рассматривать как «определенное состояние отдельных людей, групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» [11, с. 127]. По утверждению И.Н. Яблокова, религиозность - это «социальное качество индивида и группы, выражающее в совокупности их религиозных свойств», и измерение религиозности осуществляется с использованием комплекса критериев, так как «некоторые авторы считают, что о религиозности следует судить по наличию в сознании определенных религиозных идей (например, понятие о Боге). Другие придают первостепенное значение религиозным признакам поведения дей - отправлению религиозных обрядов и праздников, членству в религиозных группах и т.д.» [12, с. 123].

В русле социологии религии распространение получили новые подходы и теории, целью которых является изучение религиозности, специфики ее проявления, структурных элементов, соответствия культовому поведению и т.д. Примером является теория депривации, используемая для исследования нетрадиционной религиозности. Наиболее полную концепцию депривации сформулировал Ч. Глок в работе «Роль депривации в происхождении и эволюции религиозных групп», а также в совместной с Р. Старком монографии «Религия и общество в динамике». Депривацию Ч. Глок считает многосторонним явлением, которое выполняет важную роль в процессе становления типов религиозности: «состояние ущемленности, переживаемое индивидом или группой при сравнении с другими индивидами или группами или по отношению к некому набору представлений о том, какими ресурсами этот индивид или группа должны обладать, но не обладают» [13, с. 40].

В концепции деприватизации религии Х. Казановы «публичные религии занимают свое место во всех сферах политического пространства: 1) государственная испанская католическая церковь, или национальная церковь Польши; 2) политического общества, когда религии, мобилизующие свои ресурсы в целях политической конкуренции, участвуют в политических партиях, общественных движениях, сопротивляются разделению церкви и государства и дифференциации светских сфер, выступают в защиту религиозной свободы (католическая церковь в коммунистической Польше) или в поддержку демократических режимов (католические церкви в Испании, Польше, Бразилии); 3) гражданского общества (когда религиозные группы участвуют в публичных движениях и дебатах различного свойства - против аборт, за мораль и т. д.)» [14, с. 142].

Если обратиться к истории изучения положения религии в нашем обществе, то еще в социалистический период отечественные исследователи пытались найти наиболее приемлемый метод изучения религиозности населения, который позволил бы объективно охарактеризовать состояние их религиозного сознания и специфику религиозного поведения: «для измерения религиозности применялся показатель "участие в религиозных обрядах", который представлял собой сумму индикаторов, отражающих отдельные элементы культового поведения. Другой показатель религиозности - "вера в сверхъестественное" - суммируется из индикаторов, отражающих веру индивида в Бога и в отдельные положения теологической доктрины» [15, с. 51].

Не менее важным в процессе исследования религиозности населения представляется установление критериев принадлежности к определенной рели-

гиозной группе, каковыми считают, во-первых, этнический принцип, суть которого заключается в обозначении определенного вероисповедания национальной религией той или иной этнической общности (православие для русского народа, ислам для дагестанских народов, иудаизм для евреев и т.д.); во-вторых, культурная религиозность - отождествление человеком себя с конкретной религией, даже если он не придерживается ее предписаний, основных положений и не соблюдает соответствующее конкретному вероучению культовое поведение. Иными словами, «сам факт утверждения принадлежности к определенному религиозному течению важен для мировоззрения, нравственной, культурной и политической ориентации гражданина. Соответствующая религия имеет для человека, называющего себя православным, мусульманином или лютеранином, особую, по сравнению с другими религиями, ценность» [16, с. 36]. В научном сообществе критически относятся к исследованиям, которые за основу религиозности берут самоидентификацию человека с определенным вероучением независимо от его отношения к вере (верующий / неверующий) и активности культового поведения. В.Ф. Чеснокова полемизирует с исследователями, придерживающимися позиции, что православие есть всего лишь самоназвание, с аргументацией, что «никто не в праве ставить под сомнение ответ человека, признающего себя верующим, - поскольку вера, то есть отношения человека с Богом, это весьма сложный и деликатный феномен, проверить который невозможно современными научными средствами» [17, с. 6].

Несмотря на наличие огромного научного пласта в области изучения религиозности и религиозного поведения россиян, в среде отечественных религиоведов, впрочем, как и социологов, серьезные нарекания вызывает методика исследования религиозности - «В-индекс». Если одни социологи в своих исследованиях религиозности широко его применяют (М.С. Алексеева, О.А. Богатова, в модифицированном виде - Ю.Ю. Синелина), то другие с качественной и количественной позиций критикуют: «В-индекс в его "классическом" варианте инвалиден...» [18, с. 126].

Огромное влияние, как показывают исследования дагестанских авторов, исламский фактор оказывает на образовательную и семейно-брачную сферы. Так, Р.О. Рамазановым показана роль примечетских школ (мактабов) в формировании религиозного сознания подрастающего поколения [19; 20; 21]; Э.М. Загировой сделан вывод о том, что возрождение ислама имело далеко не всегда позитивные последствия для семейно-брачной сферы [22; 23; 24], но эти вопросы находятся за рамками данного исследования, поэтому не представляется необходимым на них подробно останавливаться.

В данной статье рассматриваются типы религиозности городского населения Дагестана, обозначены позиции, которые позволяют классифицировать опрошенных как «убежденно верующих», «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих».

Методы исследования.

Эмпирическую базу исследования составляет социологическое исследование, проведенное в 2020 г. в рамках изучения религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана. Основным методом исследования - стандартизированный массовый опрос. В 2020 г. было опрошено население Дагестана в г. Дербенте, Каспийске, Махачкале, Хасавюрте (N = 563). Махачкала

(N = 236) в возрасте от 16 лет и старше, Хасавюрт N = 157, Дербент N = 91, Каспийск N = 79.

Результаты исследования

В полной мере можно согласиться с мнением отечественных исследователей, что «светскую культуру, высвободившуюся из тенет коммунистической идеологии, весьма настойчиво стремится подменить религия ... Население, особенно молодежь, приобщается к изучению арабского языка, чтению Корана и других религиозных книг. Интенсивно распространяется специальная литература с комментариями и разъяснениями догматики исламской религии...» [25, с. 55]. Согласно Т. Сиверцевой, «на Северном Кавказе ислам всегда был не только религией или формой личного поведения, но также образом жизни, фактором, организующим сельскую общину, реальной политической силой» [26, с. 168].

В связи со сказанным выше возникает необходимость установления отношения опрошенных к вероисповеданию (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Ваше отношение к религии?» (%)

Table 1. Distribution of answers to the question "What is your attitude to religion?" (%)

Варианты ответов / Пол	Мужской	Женский	Всего:
Убежденно верующий	38,3	34,3	35,9
Верующий	43,0	52,6	48,7
Колеблющийся	8,3	6,7	7,4
Неверующий	6,1	1,5	3,4
Убежденно неверующий	3,9	2,4	3,1

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Эмпирический материал показывает, что одна треть респондентов самоидентифицируется как убежденно верующие, каждый второй относит себя к подгруппе верующих и статистически небольшая доля респондентов свое отношение к религии обозначает как колеблющиеся или придерживающиеся атеистического мировоззрения. При этом можно констатировать наличие различий по гендерной принадлежности в обозначении отношения к вероучению. А как распределились ответы по возрастному признаку и уровню образования опрошенного городского населения? Эмпирический материал показывает, что себя к когорте убежденно верующих причисляют 42,7% опрошенных в возрасте до 20 лет, 35,8% - от 20 до 30 лет, 38,0% - от 30 до 40 лет, 31,3% - от 40 до 50 лет, 31,4% - от 50 до 60 лет, 33,3% - от 60 лет и выше, 38,9% - с базовым средним, 36,2% - средним, 44,5% - средним специальным и 33,6% - высшим образовани-

ем. То есть можно утверждать, что с повышением возраста и образовательного статуса респондентов уменьшается доля относящихся по типу религиозности к подгруппе «убежденно верующие». Далее 44,4% опрошенных в когорте до 20 лет, 49,6% - от 20 до 30 лет, 45,0% - от 30 до 40 лет, 55,4% - от 40 до 50 лет, 50,7% - от 50 до 60 лет, 43,3% - от 60 лет и выше, 36,1% - с базовым средним, 50,4% - средним, 42,0% - средним специальным, 50,9% - высшим образованием самоидентифицируются как верующие. При этом можно отметить, что по мировоззренческим убеждениям себя к подгруппе атеистов относят опрошенные в пределах 3%, но их больше в возрастном интервале от 60 лет и выше (6,7%), то есть это поколение, выросшее при системе с доминированием идеологии атеизма.

С целью глубокого изучения соответствия декларируемого и реального религиозного поведения опрошенного городского населения Дагестана были сопоставлены следующие вопросы (см. табл. 2.)

Таблица 2. Распределение ответов на вопросы «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» и «Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?» (%)

Table 2. Distribution of answers to the questions "Do you consider yourself a believer?" and "What do you think a believer should do?" (%)

Считаете ли Вы себя верующим человеком?	Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?								
	Регулярно посещать мечеть	Соблюдать пост	Читать религиозные тексты	Совершать намаз	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники	Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	Выплачивать религиозный налог	Совершить паломничество
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	48,0	70,4	30,6	83,2	17,3	29,1	3,1	39,3	37,8
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	28,2	64,7	24,3	80,4	9,4	33,7	11,8	40,4	36,5

Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	18,0	42,0	22,0	54,0	12,0	20,0	28,0	24,0	20,0
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	20,0	28,0	24,0	40,0	20,0	36,0	16,0	16,0	24,0
Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	11,1	11,1	11,1	33,3	11,1	33,3	22,2	11,1	11,1
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха (Бога)	18,8	12,5	0	25,0	0	12,5	43,8	0	0
Всего:	33,4	60,6	25,4	74,8	12,7	30,3	11,4	35,8	33,4

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Данные исследования показывают, что для респондентов, которые по типу религиозности относятся к убежденно верующим и верующим, в культовом поведении важным является обязательное в мусульманстве предписание - совершение 5-кратной молитвы. Однако на важность следования данному исламскому постулату указывает одна вторая часть из подгруппы колеблющихся, каждый третий из подмассива самоидентифицирующихся как неверующие и одна четвертая часть убежденно неверующих. Второе ранговое место занимает вариант ответа «соблюдение поста», и по всему массиву на него указывает больше половины опрошенных и закономерно разделяющих данный тезис, в сравнении, больше в подмассиве убежденно верующих и верующих. Для одной трети респондентов важным предписанием является выплата религиозного налога, и придерживающихся данной позиции больше среди респондентов, которые по типу религиозности относятся к убежденно верующим и верующим. В нашем исследовании обращают на себя внимание показатели по вариантам ответов «я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха (Бога)», но при этом «не соблюдает ни одно из предписаний религии, но считает себя убежденно верующим человеком» каждый второй респондент. Поэтому возникает вполне обоснованный вопрос: к какой категории населения их причислять - верующие или неверующие? С одной стороны, для исследователей важным должна быть самоидентификация самого человека (верующий - неверующий), но, с дру-

гой - обозначение своего отношения к вероисповеданию закономерно требует соблюдения пастью определенных религиозных правил и предписаний в разных социальных сферах.

Далее в нашем исследовании были сопоставлены между собой следующие вопросы, которые показывают отношение к религии и обязанности верующего человека (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопросы «Считаете ли Вы себя верующим человеком?», «Как часто вы посещаете мечеть?», «Как часто Вы молитесь?», «Как часто Вы читаете религиозные тексты?», «Как часто Вы соблюдаете пост?», «Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?» (%)

Table 3. Distribution of answers to the questions "Do you consider yourself a believer?", "How often do you visit the mosque?", "How often do you pray?", "How often do you read religious texts?", "How often do you fast?", "How often do you pay religious tax (zakat)?" (%)

	Как Вы думаете, что должен делать верующий человек?								
	Регулярно посещать мечеть	Соблюдать пост	Читать религиозные тексты	Совершать намаз	Посещать религиозные службы	Праздновать религиозные праздники	Я не соблюдаю ни одно из перечисленных выше предписаний религии, но считаю себя убежденно верующим человеком	Выплачивать религиозный налог	Совершить паломничество
Как часто вы посещаете мечеть?									
Постоянно	67,3	71,4	36,7	75,5	34,7	34,7	0	32,7	26,5
Часто	52,9	72,1	30,8	85,6	12,5	27,9	3,8	36,5	32,7
Редко	33,9	64,3	32,1	78,0	13,1	29,2	5,4	42,3	41,7
Вообще не посещаю	17,8	53,1	15,0	69,5	8,9	31,5	23,9	32,9	31,0
Как часто Вы молитесь?									
Постоянно	41,3	75,5	31,7	88,8	16,1	33,5	2,5	45,0	44,4
От случая к случаю	27,3	52,3	21,6	68,2	12,5	31,8	12,5	28,4	26,1
Вообще не молюсь	17,9	33,9	14,3	49,1	7,1	25,0	39,3	17,0	12,5
Как часто Вы читаете религиозные тексты?									
Постоянно	49,0	69,0	37,2	82,8	24,8	32,4	4,1	40,0	39,3
Редко	33,8	68,4	25,1	81,8	9,8	34,2	6,2	39,3	37,5
Вообще не читаю религиозные тексты	16,8	37,8	14,3	55,5	8,4	22,7	33,6	21,8	17,6
Как часто Вы соблюдаете пост?									
Постоянно	45,8	78,4	35,5	88,3	15,4	35,9	46,5	2,6	46,9
Иногда	25,4	55,2	17,4	75,1	11,4	28,9	11,9	29,4	25,9
Вообще не соблюдаю пост	14,1	14,1	12,7	26,8	8,5	16,9	45,1	11,3	5,6

Как часто Вы выплачиваете религиозный налог (закят)?									
Постоянно	44,4	70,6	35,0	82,2	16,8	35,5	3,7	51,9	43,0
Редко	33,3	66,7	22,7	80,1	10,6	33,3	9,2	35,5	34,0
Вообще не выплачиваю религиозный налог (закят)	21,5	48,3	16,8	64,4	8,1	24,2	23,5	16,8	24,2
Всего:	34,2	62,1	25,9	76,1	13,2	31,1	11,7	36,2	34,2

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Полученные данные показывают, что между обязанностями верующего человека и реальным его ритуальным поведением существует несоответствие. Так, регулярность посещения мечети занимает третье ранговое место по значимости, пропустив вперед важность совершения молитвы и соблюдения поста. При этом постоянство в совершении молитвы существенно выше, но при этом одна вторая часть респондентов ее делают «от случая к случаю». Далее такая же картина наблюдается в отношении соответствия регулярности соблюдения поста и обязанности верующего человека: заметно большая часть респондентов обозначает важность молитвы при заметно сниженном весе параметра «соблюдение поста». Лишь немногим более половины опрошенных постоянно выплачивают религиозный налог, несмотря на подчеркивание важности данного признака для верующего человека.

Таким образом, эмпирический материал показывает, что опрошенное городское население обозначает важность совершения молитвы и поста как индикаторов измерения отношения человека к религии (верующий / неверующий), но реальная религиозная практика кардинально отличается от провозглашаемых исламских правил, которые обязательны для верующего человека. То есть в реальности опрошенные горожане демонстрируют пассивное религиозное поведение и частотность соблюдения базовых мусульманских постулатов заметно ниже. Полученный материал позволяет сделать вывод о несогласованности и несоответствии типа религиозности ритуальному поведению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. - 2017. - Т. 23. - № 3. - С. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Баранников В.П., Матронина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. - 2004. - № 9. - С. 102-107.
3. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. - 1990. № 5. - С. 95-103.
4. Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социологические исследования. - 2013. - № 6. - С. 108-115.
5. Там же.
6. Богатова О.А. Религиозная идентичность и религиозные практики в Мордовии // Социологические исследования. - 2011. - № 8. - С. 114-122.

7. Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. - 2013. - № 1. - С. 135-146.
8. Юнг К.Г. Психология и религия. Избранные работы / Пер. и сост. А.М. Руткевича. - СПб.: Изд-во РХГА, 2014. - 287 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. - М.: АСТ-ЛТД, 1998. - 672 с.
10. Тиллих П. Избранное. Теология культуры / Пер. с англ. и сост. С.Я. Левит, С.В. Лезов. - СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. - 479 с.
11. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. - М.: Мысль, 1985. - 127 с.
12. Яблоков И.Н. Социология религии. - М.: Мысль, 1979. - 182 с.
13. Исаева В.Б. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. - 2019. - № 9. - С. 31-50. DOI: 10.31857/S013216250006656-4.
14. Там же.
15. Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. - 1987. - № 3. - С. 50-55.
16. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. - 2005. - № 6. - С. 35-46.
17. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. - М.: Академический Проект, 2005. - 304 с.
18. Лебедев С.Д., Сухоруков В.В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. - 2013. - № 1. - С. 118-126.
19. Рамазанов Р.О., Алишаева П.К., Ильясова Б.К. Религиозно-политический терроризм на Северном Кавказе в постсоветский период. Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России: Мат-лы междунауч.-практ. конф. Адыгейский государственный университет. - Майкоп, 2019. - С. 177-187.
20. Рамазанов Р.О. Мусульманское образование и его роль в формировании религиозной идентичности // Диалог культур в глобализирующемся мире: Мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участ.). - Махачкала, 2020. - С. 53-56.
21. Рамазанов Р.О., Акимова А.А., Нурилова А.З. Проблема начального мусульманского образования в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 1. - С. 39-42.
22. Загирова Э.М. Роль религиозного компонента в семейно-брачных установках дагестанских народов // Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: культурное проектирование и формирование нравственного облика молодежи: Сб. ст. по мат-лам VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. - Махачкала, 2015. - С. 205-212.
23. Загирова Э.М. Традиционная семья: теоретические аспекты социологического исследования // The Caucasus and the World. - 2015. - № 20. - С. 158-165.
24. Загирова Э.М. Демографическое поведение дагестанской семьи: состояние

- и тенденции // Вестник Института истории, археологии и фии. - 2016. - № 4 (48). - С. 163-170.
25. Задворнов И.А. Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. - 2000. - № 10. - С. 52-57.
26. Сиверцева Т. Культурная трансформация и смена идентичности (Дагестан, Цумадинский район) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. ст. / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. - М.: Московский Центр Карнеги, 1997. - С. 168-183.

REFERENCES

1. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust] Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 2017. Vol. 23. No. 3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363. (In Russ.)
2. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.)
3. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.)
4. Kargina I.G. Klyuchevye trendy v izuchenii sovremennyh proyavlenij religioznosti [Key trends in the study of contemporary manifestations of religiosity] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No. 6. Pp. 108-115. (in Russ.)
5. Ibid.
6. Bogatova O.A. Religioznaya identichnost' i religioznye praktiki v Mordovii [Religious identity and religious practices in Mordovia] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2011. No. 8. Pp. 114-122. (in Russ.)
7. Anurin V.F. Religiya kak factor social'noj integracii [Religion as a factor of social integration] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No. 1. Pp. 135-46. (in Russ.)
8. Yung K.G. Psihologiya i religiya. Izbrannye raboty [Psychology and religion. The best works]. Per. isost. A.M. Rutkevicha. SPb.: Izd-vo RHGA, 2014. 287 p. (in Russ.)
9. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti [Anatomy of human distraction]. Per. s nem. E.M. Telyatnikovoj. M.: OOO «Izdatel'stvo AST-LTD», 1998. 672 p. (in Russ.)
10. Tillih P. Izbrannoe. Teologiya kul'tury [The best works. Theology of culture]. Per. s angl.isost. S.Ya. Levit, S.V. Lezov. SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 479 p. (in Russ.)
11. Ugrinovich D.M. Vvedenie v religiovedenie [Introduction to religion science]. M.: Mysl', 1985. 127 p. (in Russ.)
12. Yablokov I.N. Sociologiya religii [Sociology of religion]. M.: Mysl', 1979. 182 p. (in Russ.)

13. Isaeva V.B. Teoriya deprivacii kak instrument izucheniya netradicionnoj religioznosti [Theory of deprivation as instrument of research of nontraditional religiosity] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2019. No. 9. Pp. 31-50. DOI: 10.31857/S013216250006656-4. (in Russ.)
14. Ibid.
15. Il'yasov F.N. Religioznoe soznanie i povedenie [Religious consciousness and behavior] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1987. No. 3. Pp. 50-55. (in Russ.)
16. Filatov S.B., Lunkin R.N. Statistika rossijskoj religioznosti: magiya cifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2005. No. 6. Pp. 35-45. (In Russ.)
17. Chesnokova V.F. Tesnym putem: process vocerkovleniya naseleniya Rossii v konce XX veka [Thin path: process of church orientation of people of Russia in the end of XX century]. M.: Akademicheskij Proekt, 2005. 304 p. (in Russ.)
18. Lebedev S.D., Suhorukov V.V. Tesnyj put' ne tuda? [Thin path is wrong way] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No. 1. Pp. 118-126. (in Russ.)
19. Ramazanov R.O., Alishaeva P.K., Il'yasova B.K. Religiozno-politicheskij terrorizm na Severnom Kavkaze v postsovetskij period [Religious and political terrorism in the North Caucasus in the post-Soviet period] Pozitivnyj potencial islama kak factor etnosocial'noj konsolidacii Rossii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [The positive potential of Islam as a factor in the ethnosocial consolidation of Russia. materials of the international scientific and practical conference]. Majkop: AGU, 2019. Pp. 177-187. (in Russ.)
20. Ramazanov R.O. Musul'manskoe obrazovanie i ego rol' v formirovanii religioznoj identichnosti [Muslim education and its role in the formation of religious identity] Dialog kul'tur v globaliziruyushchemsya mire. Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) [Dialogue of cultures in a globalizing world. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)]. Makhachkala. 2020. Pp. 53-56. (in Russ.)
21. Ramazanov R.O., Akimova A.A., Nurilova A.Z. Problema nachal'nogo musul'manskogo obrazovaniya v sovremennom rossijskom obshchestve [The problem of primary Muslim education in modern Russian society] Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2020. No. 1. Pp. 39-42. (in Russ.)
22. Zagirova E.M. Rol' religioznogo komponenta v semejno-brachnyh ustanovkah dagestanskih narodov [The role of the religious component in the family and marriage attitudes of the Dagestan peoples] Dialog kul'tur i dialog v polikul'turnom prostranstve: kul'turnoe proektirovanie i formirovanie nravstvennogo oblika molodezhi. Sbornik statej po materialam VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Dialogue of cultures and dialogue in a multicultural space: cultural design and shaping the moral character of youth. Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Makhachkala, 2015. Pp. 205-212. (in Russ.)

23. Zagirova E.M. Tradicionnaya sem'ya: teoreticheskie aspekty sociologicheskogo issledovaniya [Traditional family: theoretical aspects of sociological research] The Caucasus and the World. 2015. No. 20. Pp. 158-165. (in Russ.)
24. Zagirova E.M. Demograficheskoe povedenie dagestanskoj sem'i: sostoyanie i tendencii [Demographic behavior of the Dagestan family: state and trends] Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. 2016. No. 4 (48). Pp. 163-170. (in Russ.)
25. Zadvornov I.A. Severnyj Kavkaz: etnopoliticheskie i religioznye osobennosti sociokul'turnoj identichnosti [North Caucasus: Ethnopolitical and Religious Features of Sociocultural Identity] Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. 2000. No. 10. Pp. 52-57. (in Russ.)
26. Siverceva T. Kul'turnaya transformaciya i smena identichnosti (Dagestan, Csumadinskij rajon) [Cultural transformation and change of identity (Dagestan, Tsumadinsk y district)] Identichnost' ikonflikt v postsovetskih gosudarstvah [Identity and conflict in post-Soviet states]. Sb. Statej. Pod red. M.B. Olcott, V. Tishkova, A. Malashenko. M.: Moskovskij Centr Karnegi, 1997. Pp. 168-183. (in Russ.)

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Science Researcher ID: ABA-2690-2020,

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

г. Махачкала, Россия

madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Madina M. Shakhbanova, Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science

Science Researcher ID: ABA-2690-2020,

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 06.10.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests.